

ЦЕНТРАЛЬНО-ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА В ПОЛЬСКОМ ПУБЛИЧНОМ ДИСКУРСЕ ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

© 2019 г. Р. Стобецкий

Д-р ист. наук, профессор Лодзинского университета

E-mail: rafal.m.stobiecki@gmail.com

Вклад польских интеллектуалов XX в. в дискуссию о границах и историческом своеобразии Центральной (Центрально-Восточной) Европы, идентичности и историческом сознании ее жителей рассматривается в широком контексте истории науки и политической мысли. Основное внимание уделяется наследию эмигрировавших в США историков О. Халецкого и П. Вандыча, писателя Ч. Милоша.

The contribution of Polish XXth century intellectuals to the discussion about the borders and historical peculiarity of Central (East Central) Europe, identity and historical consciousness of its inhabitants is considered in a broad context of the history of humanities and political thought. The focus is on the heritage of emigrated to the USA historians O. Halecki and P. Wandycz, as well as writer Cz. Milosz.

Ключевые слова: Центрально-Восточная Европа, Центральная Европа, Восточная Европа, границы, геополитика, историческое своеобразие, историческое сознание, идентичность, О. Халецкий, П. Вандыч, Ч. Милош.

Keywords: East Central Europe, Central Europe, Eastern Europe, borders, geopolitics, historical peculiarity, historical consciousness, identity, O. Halecki, P. Wandycz, Cz. Milosz.

DOI: 10.31857/S0869544X0004733-9

«Восточная Европа послужила Европе Западной прототипом для самой первой модели “неразвитости”; сегодня мы применяем концепцию “неразвитости” к самым разным странам земного шара».
Л. Вульф [1. С. 42]

«Писать о Центральной Европе значит писать об истории определенного географического региона, о сосуществовании взаимно исключаящих или дополняющих друг друга идентичностей, которые борются за преобладание или за выживание»

в обособленном мире, которые сталкиваются или сотрудничают — все зависит от конкретного исторического момента. Центральная Европа лишена идеального значения, ее историческая дорога не означает пути от какого-то отдаленного истока к цели, являющейся реализацией, пусть еще далекой, определенных намерений. Центральная Европа является результатом продолжительной борьбы с условиями, которые по сути своей всегда ей не благоприятствуют, и именно это, эта непрерывная борьба одновременно служит фактором, обеспечивающим ее целостность, хотя целостность очень хрупкую».
С. Шкрабец [2. S. 31–32]

I. Приведенные выше два эпиграфа американского историка и словенского литературоведа, как мне представляется, хорошо передают идейное послание настоящей статьи. Ее главной целью является комплексный анализ взглядов польских интеллектуалов на феномен Центральной Европы/Центрально-Восточной Европы (эти термины, полагаю, можно считать синонимами). Из-за ограниченного объема текста я хотел бы обратиться к наследию трех человек. Двух историков-эмигрантов, профессоров американских университетов, Оскара Халецкого (1891–1973) и Петра С. Вандыча (1923–2017), а также Чеслава Милоша (1911–2004) — еще одного представителя академического сообщества (на протяжении многих лет он был профессором славянских литератур в Калифорнийском университете в Беркли), но прежде всего поэта и прозаика. Все они, на различных площадках и выступая в неодинаковом качестве, приняли участие в послевоенных дискуссиях, касающихся понимания Центральной (Центрально-Восточной) Европы, ее роли в европейской истории и культуре. Таким образом, представленный материал позволит проанализировать польский вклад в данную дискуссию, которая с переменной интенсивностью продолжалась весь послевоенный период вплоть до 1989 г., да и сейчас вовсе не утратила своей актуальности.

Рискуя допустить определенное упрощение, можно констатировать, что дискуссия о Центральной Европе концентрировалась вокруг трех взаимосвязанных категорий, своего рода триады, определяющей способы мышления об этом культурном феномене. Таковыми были и остаются до сих пор понятия пространства, истории и идентичности. При обращении к первому из них делались попытки обозначить географические границы Центральной (Центрально-Восточной) Европы. В этом случае мне хотелось бы рассмотреть работы О. Халецкого, касающиеся локализации Центральной (Центрально-Восточной) Европы на геополитической карте континента. Говоря о прошлом интересующего меня феномена, я буду апеллировать к работам П.С. Вандыча, автора одной из наиболее известных обобщающих книг по истории региона, переведенной на более чем десяток языков, «Цена свободы. История Центрально-Восточной Европы от Средневековья до современности». Наконец, рассуждая о широко понимаемой идентичности жителей региона, обращусь к высказываниям Ч. Милоша, автора «Родной Европы», а также многих других эссе на эту тему.

II. У дискуссии по вопросу, что такое Центральная (Центрально-Восточная) Европа, длинная родословная. Здесь не место для ее детального изложения,

однако следует напомнить о ряде моментов вводного характера. Как широко известно, рассматриваемое понятие (в этом случае следовало бы, скорее, иметь в виду термин «Центральная Европа») возникло в начале XX в. в немецкой литературе. Категория *Mitteleuropa* (Срединная Европа) была детально описана немецким географом и профессором Бреславского (Вроцлавского) университета Йозефом Парчем. В 1903 г. он опубликовал на английском языке книгу «Центральная Европа» («Central Europe»), которая в следующем году вышла по-немецки под заглавием «Mitteleuropa» [3. S. 23; 4]. В период Первой мировой войны под влиянием известного сочинения Фридриха Наумана «Mitteleuropa» (1915 г.) установилась тесная связь рассматриваемого термина с германскими планами экспансии в данной части Европы. Они утратили актуальность в результате поражения Германии в Первой мировой войне, но это не значит, что само понятие, сильно связанное с политикой великих держав, прежде всего, конечно, Германии, вовсе исчезло из публичного дискурса.

Однако после 1918 г. центр тяжести дискуссии о Центральной (Центрально-Восточной) Европе переместился в такие государства, как Чехословакия, Польша и Венгрия. Несмотря на предпринимавшиеся попытки, интеграционные планы в отношении этого региона Европы успеха не имели.

Новым явлением стало включение интересующего меня понятия в историографическую дискуссию. С этой точки зрения существенную роль сыграл доклад О. Халецкого на V Международном конгрессе исторических наук в Брюсселе в 1923 г. [5]. Хотя польский историк еще использовал термин «Восточная Европа» («Europe Orientale»), смысл выступления был однозначным. Доклад явился попыткой обратить внимание на культурное своеобразие данной части Европейского континента. В межвоенный период в инициированную польским ученым дискуссию включились, в частности, Марцелий Хандельсман и Ярослав Бидло. Она развернулась на варшавском Международном конгрессе исторических наук в 1933 г., где впервые была создана секция истории Восточной Европы. Концепция чешского историка, вдохновленная славянофильскими идеями, исходила из видения европейского Востока, ограниченно-греко-православным и славянским миром, который необходимо противопоставлять западному, романо-германскому в основе своей, миру. Полемизируя с Бидло, Халецкий убеждал, что Восточную Европу нельзя сводить к одним славянским странам, и обращал внимание на взаимопроникновение в регионе, особенно на Украине и в Белоруссии, влияний римско-католического и византийско-православного миров.

После 1945 г. дискуссия о Центральной (Центрально-Восточной) Европе в очередной раз сделалась заложницей политики великих держав. В находящихся в сфере советского доминирования странах любая попытка акцентирования своеобразия этого региона фактически ставила под сомнение роль СССР в качестве гегемона. Одновременно в западной, особенно французской, но также и американской, научной практике исследования истории Центрально-Восточной Европы нередко становились, в соответствии с неписаным правилом эпохи холодной войны, частью русистики (Russian studies). Доминирование СССР в Центральной (Центрально-Восточной) Европе часто порождало убеждение, что входящие в нее страны не могут существовать самостоятельно и коммунизму, предоставившему им шанс модернизации, было суждено стать средством преодоления многовековой отсталости. В плоскости культуры делались попытки лишить Центрально-Восточную Европу ее идентичности, превратив в часть истории России, а позднее советской империи. Реакцией на это

явились, в частности, важные работы о Центрально-Восточной Европе, опубликованные в 1980-е годы, когда интересующая меня дискуссия проходила очередную свою фазу [6–7].

Отмеченное выше геополитическое обременение дискуссии о феномене Центральной (Центрально-Восточной) Европы сопутствует ей по сей день. Как метко указал современный норвежский исследователь Ивэр Б. Нойманн, «использование определения “Центральная Европа” (а также “Восточная Европа”, “славянская Европа”, “младшая Европа” или “Центрально-Восточная Европа”. — *Р.С.*) является политическим актом, независимо от того, в рамках какого дискурса это делается», поскольку такое наименование «свидетельствует, что другие идентичности, которые позиционируются под другими названиями, имеют меньше шансов на признание их в качестве существенных» [8. S. 207; 9. S. 125].

Понятия «Центральная Европа», «Центрально-Восточная Европа» или категория в большей степени политологического характера «Междуморье» (пространство между Балтийским и Черным морями) в значительной мере совпадают территориально. В польском публичном дискурсе межвоенного периода подчеркивание особенностей этого пространства должно было являться способом защиты от опасности со стороны Германии и СССР. При этом на польской почве получила распространение апелляция к идеализированному образу Речи Посполитой до 1795 г. После 1945 г., когда Польша оказалась в коммунистическом лагере, рефлексия по поводу Центральной (Центрально-Восточной) Европы продолжала развиваться только в эмиграции. Лишь в 1980-е годы она вернулась в дискуссии, которые велись в самой Польше на страницах многочисленных неподцензурных самиздатовских публикаций.

III. Работы О. Халецкого «Пределы и разграничения европейской истории» («*The Limits and Divisions of European History*») и «Пограничья западной цивилизации. История Центрально-Восточной Европы» («*Borderlands of Western Civilization. A History of East Central Europe*») наряду с книгой Фрэнсиса Дворника «Становление Центральной и Восточной Европы» («*The Making of Central and Eastern Europe*»)¹ заложили основания современного понимания термина. Еще один польский историк-эмигрант Мариан К. Дзевановский так писал о значении трудов Халецкого: «Несмотря на усилия ученых, в основном эмигрантов из Центрально-Восточной Европы, и поддержку их некоторыми просвещенными американцами [...], пространство между Германией и собственно Россией считалось тогда территориальным и цивилизационным придатком или геополитическим прицепом России; вследствие такой позиции данный регион серьезно не воспринимался в качестве самостоятельной области научных исследований. Халецкий был одним из тех, кто начал трудную, кропотливую, зачастую неблагодарную, прямо высмеиваемую кампанию, направленную на то, чтобы переломить это предубеждение относительно нашего региона, некоторыми исследователями вообще в Европу не включаемого, а большинством рассматриваемого в качестве Европы второго или даже третьего сорта» [10–11].

Халецкий выделял четыре цивилизационных пространства: Западную Европу, Центрально-Западную Европу, Центрально-Восточную Европу и Восточную Европу. В его концепции ключевое значение имели три вопроса. Во-первых, принадлежность Германии не к Западной, а к Центрально-Западной

¹ Издание на русском языке: Дворник Ф. Центральная и Восточная Европа в Средние века. История возникновения славянских государств. М., 2018.

Европе. Во-вторых, цивилизационное своеобразие Центрально-Восточной Европы, занимающей пространство между Германией и Россией. Наконец, в-третьих, место России в таком делении Европейского континента [12].

В каждом случае для обоснования своих тезисов Халецкий использовал несколько отличную аргументацию. Если говорить о Германии, то ее можно отнести к Центрально-Западной Европе, руководствуясь прежде всего этническим и политическим критериями. Речь шла, с одной стороны, о подчеркивании факта принадлежности германскому государству немеческой территории Священной Римской империи, а с другой, об оспаривании германских имперских планов, нашедших свое выражение в упоминавшейся уже концепции *Mitteleuropa* [13. S. 127–129].

В случае Центрально-Восточной Европы специфика региона обосновывалась более широко, с использованием нескольких критериев: религиозного (территория влияний католицизма и православия, причем подчеркивалось, что различия между этими двумя конфессиями менее значительны, чем между ними и протестантизмом), политического (территория, населенная народами, не создавшими национальных государств), а также этнического (относительное преобладание славянского элемента) [13. S. 130–132; 9. S. 142–144].

И наконец, отношение Халецкого к России. Существует мнение, что он был решительным сторонником исключения России из истории Европы [14; 15. S. 178–181; 16; 17. S. 161–204; 18. S. 135–170]. Несомненно, в этом убеждении есть большая доля правды, поскольку во многих высказываниях он подчеркивал цивилизационное своеобразие России.

В подтверждение своей позиции Халецкий цитировал не только Яна Кухажевского и Хенрыка Пашкевича, но также... Георгия Вернадского и Николая Бердяева². Польский историк приводил слова из «Русской идеи» о том, что «русский народ есть не чисто европейский и не чисто азиатский народ» [13. S. 167]³. С этой точки зрения он оценивал российские попытки сближения с Европой, предпринимавшиеся со времен Петра I до правления Николая II, как поверхностные и малоубедительные. Окончательный предел им положила большевистская революция, в результате которой Россия стала образованием «уже определенно неевропейским, если не прямо антиевропейским» [13. S. 101].

Не означало это, однако, по мнению Халецкого, полного перечеркивания шансов на будущую европеизацию России (разумеется, не большевистской). Размышляя над тем, не говорят ли украинские и белорусские исторические связи с Центрально-Восточной Европой в пользу отнесения соответствующих регионов к Европе, он писал, что в случае положительного ответа Россию можно было бы рассматривать как «четвертый европейский регион или же как внеевропейскую державу, простирающую в глубь Азии» [13. S. 166; 20. S. 224].

Предложенное Халецким деление Европы, не прижившись в науке, инициировало, однако, очередную дискуссию о Центрально-Восточной Европе, на этот раз в западной литературе. Косвенным ее эффектом стало создание

² Ссылки на Г.В. Вернадского неоднократно появляются в работах Халецкого, причем с сильным акцентированием евразийских симпатий русского историка. О цивилизационном аспекте польско-русских отношений в творчестве историков-эмигрантов писал А. Менкарский [19. S. 29–33, 96–100].

³ Цит. по изданию: *Бердяев Н.А.* Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. М., 1990. С. 44.

в Колумбийском университете в Нью-Йорке существующего поныне Центра Центрально-Восточной Европы, а также постепенное обособление в американской историографии исследований этого региона, проводившихся раньше в рамках *Russian studies* [15. S. 174–195; 21; 22]. Эхо подхода Халецкого можно обнаружить, например, в одиннадцатитомной незавершенной «Истории Центрально-Восточной Европы» («A History of East Central Europe») под редакцией Питера Ф. Шуги и Дональда В. Тредголда. Предложенное там понимание Центрально-Восточной Европы охватывает историю поляков, чехов и словаков, венгров, румын, народов бывшей Югославии, албанцев, болгар и греков. Как отмечают редакторы, в этом издании присутствуют также, в ограниченном объеме, история Финляндии, Эстонии, Латвии, Литвы, Белоруссии и Украины [23. P. IX–X].

К концепции польского историка-эмигранта в 1980-е годы обратился венгерский исследователь Ено Суч в работе «Три Европы». Он отверг выделение Центрально-Западной Европы и предложил деление Европейского континента на три части: Западную Европу, Центрально-Восточную Европу и Восточную Европу. По мнению венгерского историка, обособленность Центрально-Восточной Европы от Запада и Востока обусловлена различным пониманием соотношения государства, власти и общества. С одной стороны, заимствованные у Запада цивилизационные образцы имели в регионе неглубокие корни и свои специфические черты (например, в сословной системе Польши и Венгрии доминирующее положение заняло мелкое дворянство). С другой, в этой части Европы не прижились восточные образцы (огосударствление всего общества) [7].

С точки зрения общего смысла концепции О. Халецкого, ключевым являлся тезис о том, что историческая Европа не всегда совпадала с границами Европейского континента в географическом смысле, и, следовательно, любой разговор о ее прошлом должен учитывать данное обстоятельство.

IV. Перейдем теперь к историческому измерению дискуссии о Центральной (Центрально-Восточной) Европе. В этом случае внимание обращается на отличие от остальной Европы исторического опыта региона, прежде всего приобретенного за последние два столетия. Во-первых, в наибольшей степени его характеризуют отсутствие в XIX в. собственной государственности, многочисленные национальные и территориальные конфликты, вызванные свойственной региону мозаикой этнических групп, наконец, часто непонятный Западу синхронный опыт двух тоталитаризмов – коричневого и красного, а также связанное с первым из них уничтожение евреев. Во-вторых, фиксируемый в историческом дискурсе различных народов Центрально-Восточной Европы «синдром жертвы», особенно, возможно, выраженный у поляков и венгров. Усиливающий чувство отчуждения и комплексы по отношению к той, лучшей, как подразумевается, Западной Европе, способствующий укоренению в коллективном сознании народов своего рода исторического фатализма, уверенности в нестабильности и прерывистости исторических судеб. Наконец, в-третьих, сильно проявляющееся в обществах Центрально-Восточной Европы убеждение в принципиальной для национального бытия роли знания о прошлом как важнейшего цемента этнической связи. Данное явление связано с многократно поднимавшимся в последние годы вопросом о специфике исторической памяти жителей Центральной (Центрально-Восточной) Европы в сравнении с Западом и Россией.

Об этом свидетельствуют хотя бы споры вокруг известной речи министра иностранных дел Латвии Сандры Калниете, произнесенной в Германии

в лейпцигском Гевандхаусе 24 марта 2004 г. Она, в частности, говорила тогда: «50 лет история Европы писалась без нас. Победители во Второй мировой войне поделили всех на хороших и плохих, на правых и неправых. Лишь после падения “железного занавеса” исследователи получили доступ к архивным материалам и истории судеб жертв. Эти материалы свидетельствуют о том, что оба режима — нацизм и коммунизм, были в равной степени преступными. Нельзя ни в коем случае искать различия между ними только потому, что одна сторона принадлежала к числу победителей. Ее борьбу с фашизмом нельзя рассматривать как нечто навсегда снимающее вину с Советского Союза, который во имя классовой идеологии репрессировал миллионы невинных людей. Убеждена, что обязанностью нашего поколения является исправление этой ошибки. Проигравшие также должны писать свою историю, поскольку она заслужила прочное место в истории этого континента. В противном случае, описание истории останется односторонним, неполным и неправдивым» [24. С. 38; 25]⁴.

Предложенное П. С. Вандычем видение прошлого Центральной (Центрально-Восточной) Европы является важным элементом дискуссии об исторической специфике этой части континента. Недавно умерший профессор Йельского университета был автором не только «Цены свободы», но и одного из томов упомянутого американского коллективного издания обобщающего характера [26; 18. S. 233–268]. Он считал себя продолжателем дела Халецкого, а также британца Хью Сетона-Уотсона — зачинателя английских академических исследований интересующего меня региона. Именно им Вандыч посвятил свою «Цену свободы». Выбор этих двух выдающихся знатоков истории региона свидетельствует об укорененности автора в обеих историографических традициях [27], что, думаю, имеет существенные последствия для принятых в работе принципов, построения нарратива, а также ее общего смысла.

В предисловии к «Цене свободы» Вандыч подчеркивал, что понятие «Центрально-Восточная Европа» имеет в определенном смысле условный характер и появилось из-за потребности в «обозначении территории, которая не принадлежит полностью ни к Востоку, ни к Западу, но составляет как бы “срединную зону” или же включает “страны между Востоком и Западом”» [28. S. 11]. Кстати, следует отметить, что это «между» или своеобразное «зависание» данного региона присутствуют также в работах других исследователей, например, украинского историка Игоря Шевченко [29–30]. Вандыч отметил, что термин «Центрально-Восточная Европа» употребляется двояко: либо в различных вариациях применительно ко всему пространству между Балтийским, Адриатическим, Эгейским и Черным морями, либо для обозначения его ядра (heartlands), а именно Польши, Чехословакии (Чехии и Словакии) и Венгрии [28. S. 11]. Польский историк решил пойти вторым путем.

Понимаемую подобным образом Центрально-Восточную Европу Вандыч рассматривал в качестве интегральной части западной цивилизации. Это, однако, не означает, особенно в случае ее восточной границы, отсутствия влияния Византии или позднее — Османской империи. Многократно обсуждавшиеся

⁴ Т. Снайдер, в частности, писал: «Западноевропейцы смотрели на историю XX века как на арифметическое уравнение: один минус один. Нацистские ужасы были, по их мнению, нейтрализованы коммунизмом. Между тем, восточноевропейцы понимают это уравнение иначе: один плюс один. Советы были далеки от уравнивания деяний нацистов: сперва они провоцировали их, затем копировали и, наконец, умножили дело разрушения, начатое Германией» [25. S. 56]. Содержащиеся в приведенных цитатах оценки вызывают решительное несогласие большинства российских историков.

в литературе границы Центрально-Восточной Европы Вандыч стремился рассматривать не как что-то «жесткое и непроницаемое» [28. С. 14]. Нахождение на стыке культур вызывало естественное их взаимопроникновение, примером чего может служить ориентализация польского и венгерского национальных костюмов.

В чем, по мнению Вандыча, заключалось и заключается в известном смысле поныне историческое своеобразие Центрально-Восточной Европы? Во-первых, характерной чертой этого исторического региона является отмечавшаяся по крайней мере со второй половины XIX в. многими исследователями, в том числе польскими (Юзеф Шуйский), «цивилизационная молодость (младшинство)», связанная с фактом, что регион сделался частью европейской общности лишь в X в., вследствие «великого вызова со стороны Запада — христианизации» [28. С. 18]⁵. Дальнейшими последствиями этой особенности стали экономические различия, аграрный характер обществ. Правда, Вандыч подчеркивал, что крестьяне Центрально-Восточной Европы не составляли никакого исключения и имели много общих черт с крестьянством Ирландии, Испании или некоторых частей Италии [28. С. 19].

Во-вторых, специфика региона заключалась в том, что развитие определенных институтов часто опережало социально-экономические реалии (исключение составляла только Чехия). Одним из примеров, иллюстрирующих эту особенность, может служить факт, что в Речи Посполитой шляхетская политическая демократия функционировала в рамках архаичной социальной структуры. В этом смысле к типичным чертам региона принадлежали своеобразный провинциализм в политике, менее развитая политическая культура, отсутствие модели достижения консенсуса, на котором основывалась американская система [28. С. 19].

В-третьих, Вандыч указывал на отсутствие континуитета традиции собственной государственности, в результате чего «произошел поворот к иной (отличной от западноевропейской. — *Р.С.*) концепции народа, окрашенной романтизмом, а также основанной на этнических и культурно-языковых критериях». Таким образом, согласно Вандычу, не столько многонациональный характер старой Польши, Венгрии или Чехии, «сколько перерыв в обладании собственной государственностью привел к выдвиганию на первый план национальных аспектов» [28. С. 20–21]. Эта особенность имела существенные последствия для народов региона в XIX и XX вв. Практически неизвестное в англо- и франкоязычных странах различие национальной принадлежности и гражданства сделалось «в Центрально-Восточной Европе чем-то принципиальным». Кроме того, характерная для Запада идея гражданского общества приобрела «сильную национальную окраску». Чужеземное господство способствовало тому, что гражданское общество стало оплотом национальной идентичности, что сопровождалось «специфической унификацией и нетолерантностью во имя совместной борьбы с ненациональными и антинациональными силами» [28. С. 21; 32. С. 145–152].

⁵ Несколько иначе эти вопросы интерпретирует Нил Пиз. Он обратил внимание на то, что работы Вандыча, касающиеся Центрально-Восточной Европы, отличает: 1) подчеркивание превосходства широко понимаемого духовного начала (не сводимого к одной религии) над материальным; 2) акцентирование значения вынесенной в заглавие книги категории свободы как реакции на годы отсутствия суверенитета и плохого правления (*misrule*) чужеземцев. В этом контексте рассуждения Вандыча сосредотачиваются на показе борьбы жителей Центрально-Восточной Европы с врагами свободы, как внешними, так и внутренними [31. Р. 84].

В-четвертых, по мнению польского исследователя, для истории Польши, Чехии, Словакии и Венгрии характерно значительное присутствие немцев и евреев, а также «их взаимодействие с местными народами». В случае с немецким элементом эти контакты были одновременно конфликтными и созидательными. Аналогичным образом дело обстояло и в христианско-еврейских отношениях. По примеру других исследователей Вандыч подчеркивал, что в течение многих лет, вплоть до момента эскалации антисемитизма, прежде всего до драматических событий Второй мировой войны, Центрально-Восточная Европа являлась гостеприимным и открытым домом для европейского еврейства, бегущего от угнетения и преследований [28. S. 23–24].

Наконец, в-пятых, доминантой истории народов Центрально-Восточной Европы польский историк считал борьбу за свободу, как в национальном измерении, так и в масштабе мировой истории. Однако акцентированная названием книги идея, согласно Вандычу, имела гораздо более горький вкус: у свободы была своя цена. Случалось, что ее платил народ, социальный класс, порой отдельно взятая личность. Так было в отдаленном прошлом, так происходит и в современный период, после обретения странами Центрально-Восточной Европы независимости [28. S. 25–26].

Резюмируя свои комментарии, хотел бы обратиться к исключительно актуальной, как мне представляется, метафоре, использованной П.С. Вандычем. Он называет Центрально-Восточную Европу «лабораторией» — местом произведения разного рода экспериментов и опытов. Напомню, что в свое время известный американский советолог польского происхождения Адам Улам назвал Центрально-Восточную Европу «лабораторией неоимпериализма», а в 1980-е годы писали и говорили о Польше как «лаборатории политических перемен».

Вандыч применил эту метафору сначала к истории Польши, а затем распространил ее на все страны Центрально-Восточной Европы. Согласно ему, этот регион «напоминает лабораторию, в которой испытываются разные системы» [28. S. 24]. Такой взгляд на историю Чехии, Польши, Словакии и Венгрии, а также, полагаю, соседних с ними стран служит обоснованию нескольких моментов. Во-первых, по мнению Вандыча, страны Центральной (Центрально-Восточной) Европы объединила своего рода «общность исторической судьбы», с которой они борются поныне. Во-вторых, это многократно подчеркиваемая в «Цене свободы» нестабильность, историческое «зависание» интересующего меня региона между Востоком и Западом, которое создавало и создает проблемы с идентичностью. В-третьих, это трагизм его истории, которая часто бывала и, как мы можем наблюдать сейчас, продолжает оставаться объектом политики великих держав. Пусть последняя фраза прозвучит сегодня с максимальной силой и станет своего рода историческим *memento*.

V. Дискуссия о Центральной (Центрально-Восточной) Европе это также спор об идентичности жителей данного региона, в связи с чем хотелось бы обратиться к суждениям Ч. Милоша. Польский лауреат Нобелевской премии многократно по разным поводам высказывался на эту тему. В «Родной Европе», изданной как 50-й том библиотеки парижской газеты «Kultura» (1959), он попытался раскрыть феномен места своего рождения и присущий своим землякам менталитет. Книга вырастала из потребности «связать [...] родные окраины, мешанину их языков, религий и традиций не только с остальным европейским континентом, но и со всей, уже межконтинентальной, эпохой» [33. С. 13]. Называя себя «типичным восточноевропейцем», Милош считал «его *differentia specifica* [...] отсутствие чувства формы — как внутренней, так и внешней. При этом достоинства его — жадность

ума, пылкость в споре, чувство иронии, острота восприятия, пространственное или географическое воображение — следствие того же главного изъяна. Он всегда остается недорослем, которым правит неожиданный прилив или отлив внутреннего хаоса. Форма — достояние стабильных обществ» [33. С. 68].

Милош в полной мере осознавал экзотичность восточно- или центральноевропейской идентичности. Он многократно подчеркивал факт непонимания этой формы идентификации западноевропейскими интеллектуалами, а также российскими мыслителями, даже представляющими политическую эмиграцию (например, Иосифом Бродским) [34. С. 716; 25; 35]. Вопреки этому он старался доказать существование предпосылок культурного единства пространства Центральной Европы. Предпринимая попытку найти «специфически центральноевропейские воззрения или способы мышления», он обращал внимание на трудности, обусловленные отсутствием точных инструментов анализа [36. С. 3; 37]. В 1989 г. на страницах эмигрантской парижской газеты «Kultura» Милош писал: «Центральная Европа не является географическим понятием. Нелегко проложить ее границы, хотя, идя по улицам ее городов, сложно усомниться в ее упрямой жизни, будь то в моем барочном Вильно или по-иному барочной Праге или же в средневеково-ренессансном Дубровнике. Чувств и мыслей ее жителей должно хватить для проведения ментальных линий, которые представляются более постоянными, чем границы государств» [36. С. 4].

В понимании центральноевропейской идентичности большую роль Милош отводил истории и литературе. Первая проявлялась не только в архитектуре, но и в традиции университетов. По мнению автора «Родной Европы», в расположенных между Германией и Россией странах приходящие с Запада идеи были «разбавлены и переработаны», получив новое качество, а «местные обычаи обнаруживали большую живучесть» и институты обретали другие формы, чем в западной части Европы. Одновременно «общее и постоянно присутствующее» прошлое выполняло интегрирующую роль.

С точки зрения Милоша, в литературах региона присутствует другое, чем на Западе, осознание истории, определяемое ощущением угрозы со стороны более сильных и склонных к экспансии соседей (турок, русских, австрийцев, немцев), а «затруднительные ситуации в прошлом, вероятно, стимулирующим образом воздействуют на развитие духовной культуры» [36. С. 5]. Милош провел параллель между центральноевропейской и еврейской литературами, поскольку обе они питались «коллективной памятью и ощущением опасности» [36. С. 4].

В подобной ситуации, если следовать логике Милоша, у центральноевропейских народов имелись две возможные поведенческие стратегии. Первая из них вела к бегству в мир иллюзий и национальной мифологии, вспоминающих о древнем славном прошлом. Вторая основывалась на иронии. Униженная национальная гордость именно в ней находила лекарство от бед повседневной жизни. «Самая бытность поляком, чехом или венгром, — писал Милош, — делается предметом этой иронии и окрашивает их отношение к жизни». Символом подобной позиции являлся для польского поэта и прозаика бравый солдат Швейк, который «повторяет старую игру раба Эзопа со своим господином», превращая ее в постоянное занятие [36. С. 5].

Подобно М. Кундере или Данило Кишу, Милош высказывался за восстановление региональной исторической общности, которая сделалась бы фундаментом идентичности центральноевропейцев. Она была для него и символом высокой идеи, и проявлением тоски по утраченной «малой родине». Польский поэт считал себя гражданином старой Речи Посполитой, подчеркивал свою литовскость

и связи с Вильно. Общей чертой такого рода концепций, согласно современной исследовательнице, была не только реакция на постъялтинское разделение Европы, но и то, что Центральная Европа появляется в них как ответ на травматический военный опыт, а также выражение проблематичного отношения к собственной национальной идентичности и различным формам ксенофобии [38. S. 383].

Что особенно важно с перспективы сегодняшнего дня, в этом контексте, как заметил венгерский писатель Дьердь Конрад, быть центральноевропейцем означает «воспитывать, держать в узде наш национализм, национальный эгоизм» [39. S. 16].

VI. Рискуя допустить определенное упрощение, можно заключить, что существовали и существуют две модели нарратива о Центральной (Центрально-Восточной) Европе. В рамках первой из них регион предстает как пространство образцового, практически идеального сосуществования различных культур, национальностей и религий, нарушенного вмешательством извне. Поэтому восстановление status quo ante является вопросом исторической справедливости, а также отвечает интересам всего Европейского континента, ибо именно этот регион может стать источником возрождения забытых уже на Западе ценностей.

В конкурирующей трактовке Центральная (Центрально-Восточная) Европа понимается как пространство бесконечных конфликтов и цивилизационной отсталости относительно Запада, которое является источником постоянных проблем для старшей, более зрелой Европы. Не подлежит сомнению, что польская рефлексия по поводу рассматриваемого региона, при всех возможных оговорках, вписывается в первую модель. Интеллектуалы, на которых я ссылался, стремились своими высказываниями переломить трагический, фаталистический, пессимистический вектор дискуссии о феномене Центральной (Центрально-Восточной) Европы.

Сегодня, когда сплоченность этого региона, к которой призывает Симона Шкрабец, представляется очень хрупкой, быть может, пришло время, чтобы по примеру ее соотечественника Драго Янчара дать Центральной (Центрально-Восточной) Европе зеркало, «которое не идеализирует, но показывает ее истинный облик [...], в котором она увидит свое второе, отвратительное, зачастую искаженное ненавистью, алчностью и завистью лицо» [40. S. 76]. Ибо лишь подобная социотехническая процедура способна вернуть тому фантому коллективного воображения, каковым остается Центральная (Центрально-Восточная) Европа, подлинное содержание и жизненные силы, позволяющие изменить сознание людей, причем не только тех, которые проживают на землях «младшей» Европы.

Перевод с польского Л.Е. Горизонтова

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. *Вульф Л.* Изобретая Восточную Европу: Карта цивилизации в сознании эпохи Просвещения. М., 2003.
2. *Škrabec S.* Geografia wyobrażona. Koncepcja Europy Środkowej w XX wieku. Kraków, 2013.
3. *Podraza A.* Co należy rozumieć pod pojęciem „Europa Środkowa” na przełomie XX i XXI wieku // *Europa Środkowa – nowy wymiar dziedzictwa.* Kraków, 2002.
4. *Żyliński L.* Mitteleuropa (Europa Środkowa) i Międzymorze // *Polsko-niemieckie miejsca pamięci.* Warszawa, 2012. T. 3.
5. *Halecki O.* L’Histoire de l’Europe orientale, sa division en époques, son milieu géographique et ses problèmes fondamentaux // *La Pologne au Vème Congrès International des Sciences Historiques.* Bruxelles; Varsovie, 1923–1924.

6. *Kundera M.* Zachód porwany albo tragedia Europy Środkowej // *Zeszyty Literackie*. 1984. № 5.
7. *Szücs J.* Trzy Europy. Lublin, 1995; на рус. яз.: *Сюч Е.* Три исторических региона Европы // *Центральная Европа как исторический регион*. М., 1996.
8. *Neumann I.B.* Forgetting the Central Europe of the 1980s // *Central Europe. Core or Periphery?* Copenhagen, 2000.
9. *Sosnowska A.* Zrozumieć zacofanie. Spory historyków o Europę Wschodnią (1947–1994). Warszawa, 2004.
10. *Dziewanowski M.K.* Oskar Halecki – historyk Przedmurza i Międzymorza // *Wiadomości* (Londyn). 1973. № 47.
11. *Dziewanowski M.K.* Granice cywilizacji zachodniej // *Kultura* (Paryż). 1953. № 5.
12. *Korolov G.* «Dwie Europy Środkowe» Oskara Haleckiego w cieniu imperializmów // *Kwartalnik Historyczny*. 2017. № 4. S. 677–698.
13. *Halecki O.* Historia Europy – jej granice i podziały. Lublin, 1994.
14. *Kornat M.* Historyk Europy Środkowo-Wschodniej. Oskar Halecki (1891–1973) w nauce i życiu Polski // *Historik v proměnách doby a prostředí – 20. století*. Brno, 2009. S. 305–338.
15. *Filipowicz M.* Emigranci i Jankesi. O amerykańskich historykach Rosji. Lublin, 2007.
16. Oskar Halecki i jego wizja Europy. Łódź; Warszawa, 2012–2014. T. 1–3.
17. *Stobiecki R.* Historycy polscy wobec wyzwań XX wieku. Poznań, 2014.
18. *Stobiecki R.* Klio za Wielką Wodą. Polscy historycy w Stanach Zjednoczonych po 1945 r. Warszawa, 2017.
19. *MękarSKI A.* Między historiozofią a polityką. Historiografia Polski Ludowej w opiniach i komentarzach historyków i publicystów emigracyjnych 1945–1989. Warszawa, 2011.
20. *Wierzbicki A.* Europa w polskiej myśli historycznej i politycznej XIX i XX wieku. Warszawa, 2009.
21. *Wandycz P.* The Treatment of East Central Europe in History Textbooks // *The American Slavic and East European Review*. 1957. № 4. P. 515–523.
22. *Parafianowicz H.* Europa Środkowo-Wschodnia w amerykańskiej historiografii // *Przegląd Humanistyczny*. 1994. № 6. S. 97–109.
23. *Sugar P.F., Treadgold D.W.* Foreword // *Rothschild J.* East Central Europe between the Two World Wars. A History of East Central Europe. Seattle, 1974.
24. *Troebst S.* Postkomunistyczne kultury pamięci w Europie Wschodniej. Stan, kategoryzacja, periodyzacja. Raporty Centrum Studiów Niemieckich i Europejskich im. Willy Brandta Uniwersytetu Wrocławskiego. Wrocław, 2005.
25. *Snyder T.* Obca i niezrozumiała historia Europy Wschodniej // *Nowa Europa Wschodnia*. 2008 № 1. S. 56–63.
26. *Wandycz P.* The Lands of Partitioned Poland 1795–1918. Seattle, 1974; *Wandycz P.* Pod zaborami. Ziemia Rzeczypospolitej w latach 1795–1918. Warszawa, 1994.
27. Piotr Wandycz: historyk, emigrant, intelektualista. Zbiór rozpraw. Bydgoszcz, 2014.
28. *Wandycz P.S.* Cena wolności. Historia Europy Środkowo-Wschodniej od średniowiecza do współczesności. Kraków, 2003.
29. *Ševčenko I.* Ukraina między Wschodem a Zachodem. Warszawa, 1996.
30. *Wandycz P.S.* Między Wschodem a Zachodem: Polska – Czechosłowacja – Węgry // *Wandycz P.S.* O czasach dawniejszych i bliższych. Studia z dziejów Polski i Europy Środkowo-Wschodniej. Poznań, 2009.
31. *Pease N.* Lessons Learned, Lessons Relearned. Piotr S. Wandycz on Recent East Central European History // *The Polish Review*. 2013. № 1.
32. *Wandycz P.S.* Odrodzenie narodowe i nacjonalizm (XIX–XX wiek) // *Historia Europy Środkowo-Wschodniej*. Lublin, 2000. T. 2; на рус. яз.: Алексюн Н., Бовуа Д., М.-Э. Дюкре, Ключовский Е., Самсонович Г., Вандиш П. История Центрально-Восточной Европы. СПб., 2009.
33. *Милов Ч.* Родная Европа. М.; Wrocław, 2011.
34. *Franaszek A.* Miłosz. Biografia. Kraków, 2011.
35. *Gorizontow L.* Rosyjska wizja Europy Środkowej: tradycje i dzisiejsza perspektywa // *Sensus Historiae*. 2013 № 4. S. 151–160.
36. *Miłosz Cz.* O naszej Europie // *Kultura* (Paryż). 1986. № 4.
37. *Miłosz Cz.* Szukanie ojczyzny. Kraków, 1992.
38. *Parfianowicz-Vertun W.* Europa Środkowa w tekstach i działaniach. Polskie i czeskie dyskusje. Warszawa, 2016.
39. *Czyżewski K.* Europa Środkowo-Wschodnia roku 1994, czyli jak być sobą // *Krasnogruda*. 1994. № 2–3.
40. *Jančar D.* Nowe lustro dla Europy Środkowej // *Jančar D.* Terra incognita. Warszawa, 1993.